

— Времья мн.

Люди семейства кошачьих

Спектаклем «Жан Жуан» экспериментальной балетной труппы «Физический театр Экми» из Тайваня завершилась танцевальная программа Чеховского фестиваля.

Ее основатель Ши Джи-Тцзе некогда вдохновился «Весной священной» Мориса Бежара, поехал в штат Коннектикут и выучился на артиста современного танца. Звучит сказочно, но хорошо иллюстрирует открытость тайваньца всем ветрам. Открытость, после спектакля тем более понятную, потому что эти ветра ничуть не сбивают посетителя азиатской пластики с основной тропы. Сходная им труппа «Физический театр Экми» — молодая, шестилетняя, первая профессиональная и по сей день самая представительная в современном танце Центрального Тайваня. Правда, на русском ее то ли по недопониманию, то ли для гипотетической прибавки в весе называли «балетной».

И без балетного не обошлось — пара расторопных в сладкой пластике арабесок мелькнула как заметка к лексической всеядности постановщика и универсальности умений труппы. Об этих умениях так и тянет пропеть песенку. Они выгибают руки в немалые линии. Крутят по спирали кульбиты. Падают, как кошки, на всю ступню без единого звука. То есть для тела нет преград, и, если упростить, тайваньцы двигаются не в евклидовом измерении, как балет, и не по Лобачевскому, как западный современный танец, но в некоем третьем (четвертом?) измерении. По другим графикам и правилам.

Базируется этот особый стиль не на воздушной подушке «особых изобретений», но на догматном знании школ азиатских боевых искусств. То есть западные танцевальные техники слегка отформатировали классические техники тай-чи и дыхательной гимнастики (слышно, как гром-

ко артисты выдыхают на излете движения, чувствуется, как задерживают вдох на поддержке). Тут перспектив — море разливанное, очень интересно следить, как превращается в танец какой-нибудь канонический стиль вроде «пьяного монаха» или «взлетающего журавля».

Но добавьте к этому экспрессивный фотоколлаж, «правильное» видео, этномикет звукового сопровождения и подробную методичность превращения боевой ворожки в танцевальную — получится избыток, калейдоскоп форм, самым верным антибиотиком к которому видится принципы современного японского танца бую, который в своей скупости на жесты и эффекты заставляет замереть над идеей спектакля всю физическую мощь азиатских тигров. Присыпать спектакль хоть щепоткой аскетизма бую — и, пожалуй, могли бы смикшироваться грамотно преувеличенные, как в азиатских мультфильмах, но для европейского вкуса избыточные цвета. По большому счету, «Жан Жуан» напомнил ординарный юго-восточный балет, слишком тщательный, а потому выхолащенный в обработке, который спасает погруженность в себя и желание отсечь лишние подробности.

И напоследок об особенностях художественного пиара: цитируемый московскими флями тайваньский журнал *Performing Arts Review* назвал Ши Джи-Тцзе «хореографом, рисующим при помощи человеческого тела». Это правда, но хотела бы я посмотреть на хореографа, рисующего другим способом.

ЛЕЙЛА ГУЧМАЗОВА

